

фантастическим, лишь насилием над действительностью, и первая же попытка осуществить его на практике должна была отбросить движение назад, в те узкие рамки, которые только допускали тогдашние условия»¹. Но борьба пикартов не прошла бесследно. Мечты о равенстве людей, об обществе, где не будет эксплуатации, поднимали чешское крестьянство на борьбу и, ставя перед ним неосуществимую при тогдашних условиях цель, максимально активизировали его усилия в борьбе за те непосредственные задачи, которые были очередной ступенью в многовековой борьбе трудящихся за построение бесклассового общества. Далёкие идеалы пикартов помогали массам радикально решать ближайшие задачи борьбы.

К весне 1421 года в развитии гуситского революционного движения наступил критический момент. Размах классовой борьбы крестьян и городской бедноты рассматривался примыкавшими к движению феодалами и бюргерством как прямая угроза их интересам. В связи с этим хилястическая проповедь пикартов стала не на шутку беспокоить имущие элементы в среде таборитов. Первыми выступили идеологи умеренных таборитов. В конце февраля 1421 года таборский епископ Микулаш из Пельгржинова и магистр Ичина обратились к пражским магистрам с письмом, в котором указывали, что Мартин Локвис и 400 других пикартов не хотят чтить «святой алтарь», выливают на землю «кровь христову», ломают и продают чаши. Николай и Ичина просили помощи против пикартских проповедников у авторитетных магистров — идеологов пражского бюргерства Якубка из Стршибро и Пржибрама. Кроме того, они призывали к согласованным действиям против наиболее активных идеологов и руководителей пикартва.

Прежде всего подверглись преследованию проповедники пикартов, а самим пикартам предложили отречься от их взглядов. После своего отказа они вынуждены были удалиться из Табора и перешли в Пршибенице, но и отсюда были вытеснены. Тогда пикарты укрепились в крепости неподалёку от Пршибенице. Они были вооружены и продолжали свою проповедь, к которой прислушивались

¹ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, стр. 37—38. Это высказывание Энгельса о Мюнцере и его сторонниках в крестьянской войне 1525 года в Германии полностью применимо и к Мартину Гуске и другим чешским хилястам XV века.